

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Игорь Волков

Куток,

или Хроники лядовской автостанции

Игорь Леонидович Волков
Куток, или Хроники
лядовской автостанции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31183841

SelfPub; 2018

Аннотация

Непридуманные истории из жизни одного нижегородского двора. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие издателя	4
Глава 1. Пассажиры	15
Глава 2. «Наши»	33
1. Никого уже нет	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Предисловие издателя

Всю свою утомительную для окружающих жизнь он только и слышал: «А не идиот ли он, Л.?» и «Как пройти на лядовскую автостанцию?» И каждый раз то ли бесился, то ли терялся, не пойму: махнет этак раздраженно, втянет свою длинную голову под панцирь – и уползет куда-нибудь к чертовой матери, вот и все. Нелепый какой-то человек был, что хотите.

Может, он даже и вопроса-то не слышал, а если да – то что? Волновало его, похоже, совсем другое, не это. Скажем, «А как с нее выйти, если выхода нет?» или «куда мне теперь, а?» Или что еще, не знаю.

А и в самом деле, куда? Некуда. Ни идти, ни выходить. Собственно, он уже и вышел и пришел. Там же, где и жил – на лядовской автостанции. На автостанции имени Лядова.

Это ведь еще тогда началось – в славное время. В славное время великих дел приехал в ваш город некто Лядов, он же Мандельштам, член партии. Естественно, еврей и инкогнито. Зачем инкогнито, когда его и так никто не знал? Надо думать, по привычке. На всякий случай. Мало ли.

А приехал он не просто так, а объяснить, как нам обустроить рабкрин. Кому это было надо? До того ли, и так голова кругом... Однако слушок пошел: приехал-таки.

Ну – собралось человек тридцать. Полуинтеллигентных,

из чистого любопытства – что за фрукт? Почему Лядов? И зачем Мандельштам? И не тот ли самый Мандельштам?

Стали слушать. Он говорит – и все не в рифму – не тот, стало быть, хоть и похож, а не тот. Ну что ж, бывает. Как пришли тихо, так и разошлись без шума. Но чтобы чего такого не вышло, от «них» всего ведь ждать можно, жидов, решили его именем площадь назвать – самую что ни есть дальнюю, за ней только тюрьма была.

Совершенно очевидно, что название «лядовская» автостанция получила от площади, а не наоборот, потому что наш Лядов (он же Мандельштам, член партии, а не тот) с указанной оказией никак не мог прибыть на автостанцию: тогда даже никаких автобусов не было, не то что автостанции. Кладбище было, а потом картофельное поле. Или наоборот, неважно, урожаи, надо полагать, по-любому были. Больше никакого упоминания о Лядове Л., сколько ни искал, так и не нашел. Ну – нет так нет, значит, так надо, нам-то что до его инкогнита? А вот площадь имени Лядова есть, и автостанция лядовская осталась! А лядовского монастыря нет – Крестовоздвиженский. Забыли, надо думать... как и о рабкрине.

Установив, стало быть, геополитическое положение Лядова, т.е. приняв за факт, что стоит она всё там же, где и всегда (несмотря ни на что), Л. пошел дальше.

К сожалению, он не оставил библиографии своих первоисточников (как, впрочем, и ничего), но известно, что наи-

более ценные папирусы, относящиеся к далекому прошлому лядовской автостанции, были обнаружены им в мусорных контейнерах – помойках (а именно в них, в местных музеях-заповедниках Л. всё и почерпнул).

История лядовской автостанции началась давным-давно. Тыщу лет назад. Там тогда вообще ничего, кроме дремучего леса, и не было. Даже подумать страшно: олени, медведи были, зайцы, рыси, волки и мордва. Главное тут – мордва. Это племя такое, что на ветках в гнездах жило. Маленькое, но гордое. Про них тогда мало кто знал, они и сами про себя ничего толком не знали, надо думать, счастливый народец был, нам бы так... Умом не обремененный, но сытый. Кормились, чем Бог пошлет. Впрочем, Бога, кажется, у них еще не было, да и сейчас нет. Грибами промышляли, ягодами – летом, как понимаешь. А так – охотой и рыбу ловили. Озоровали опять же, как нажрутся, прохожих, значит, пугали и грабили.

Но не все – как-то они все больше спали. Кроме Скворца, Соловья и чародея Дятла, они-то одни всех и тревожили: Соловей свистит, Скворец – скворчит, Дятел – кашляет, каждый свое дело хорошо знал. Награбленное по потребности делили, справедливо. У Скворца вот – восемнадцать жен и семьдесят сыновей по веткам сидело, да и «у Соловья – девять выблядков». Один Дятел в бобылях ходил – на что ему, чародею, бабы, а? Вот и завидуй...

Так бы и жили. Только вот незадача крупная вышла – Соловья грохнули. Залетный убил, отморозок, говорили, с са-

мого Мурома, с этапа откинулся. Хотя, я думаю, тут недоразумение одно. Ну, откинулся, так что – представься по понятиям, Илья ты там или Илия, дело твое, твой погоняла, но зачем грубить-то с ходу? Как ни свистели ему, машет себе дубиной и все тут. Сразу видно – не в себе человек. Так и убил, дурак, Соловья нашего. И опять ушел. «А и только его, Илию, и видели».

Замечу в скобках, что это всего лишь версия самого Л., апокриф из помойки, можно сказать.

Что касается канонической версии наших знаменитых мужей – русских славистов Якубовича, Калайдовича и Г.-Ф. Миллера, основанной на маляве Кирюхи Данилова с Урала, то все вроде и наоборот выходит. То есть добирался Илия из Мурома в Киев «через леса Брынския, через грязи Смоленския», где и повстречал нашего Соловья. Допустим, что в Киев он и шел, (хотя, что ему там до дела было на окраине?) но ведь заблудиться-то мог? Мог он крюк сделать? Водил же нас Моисей по Египту кругами? Ясно – заплутал Илия. А тут: «Засвистал Соловей по-соловьиному, а в другой зашипел разбойник по-змеиному, а в третий рывкает по-звериному. Под Ильєю конь окарачелся и падал ведь на кукарачь...» Тут стрельнул Илья стрелой своей каленой «и попал Соловья да в правый глаз – полетел Соловей с сыра дуба, с сыра дуба комом до сырой земли...» Глупости это всё, наш современник Пьецух так реконструирует дальнейшее: стрелу якобы извлекли и стали «...лить прямо на то место, где у Соловья

только-только был глаз, перекинь водорода; на ране зашипела очень большая, пузырящаяся розовая гвоздика, и кровь постепенно остановилась». Все. Умер.

...Делать нечего: посетовали, что не в то время и не в том месте оказался Солова, закопали свистуна, поминки отпраздновали, поплясали... А на сороковины Дятел захандрил. Никак отойти не может – свой мед выпил, Скворцов мед выпил, побираться ходит. Он один ведь жил, кто ж его остановит, чародея и созерцателя... Он чем-то на Л. нашего был похож, полубес, словом. Не могу, – говорит Сквору, – не могу и все тут. Тошно, бля. Уйду. И вон из леса. Спихватились – нет Дятла. Ушел, подлец, в горы подался. И Скворец бы ушел, а семья? Разве всех восемнадцать жен уговоришь разом? Уговорил, однако. И тещ, и жен, и детей. Со временем, конечно: кого битьем, кого катаньем. Я, говорит, или запью запоем, или брошу всех к чертям собачьим! Или сначала запью, а потом брошу, но к Дятлу все одно уйду. Что мне тут одному – ни спеть, ни выпить.

Собрались и пошли. А какой у мордвы скарб? Смех один. Короче – идут. Лесами идут, тропами бредут, речками плывут. Смотрят – на самой горе высокой Дятел сидит. Точнехонько в середине лядовской автостанции. Т.е., конечно, автостанции-то еще и быть не могло, сам понимаешь. Ни поля картофельного, ни погоста не было. Откуда? Никто ведь не умер еще. Да и не было там никого кроме Дятла живого со своими амбициями. Место одно на горе и все. Такая вот

история.

На той горе, самой высокой в Дятловых горах, потом еще водокачку поставили и два резервуара надземных метров по десять для запаса воды. Их потом снесли, конечно, при развитии социализме, но водопроводный участок – тот оставили (о чем там себе думают?) А какой дурак, даже развитой, водокачку в низине поставит? Наверху, ясно дело: вода сама по себе только вниз текет.

Выходит – Дятлова она автостанция, а не лядовская. Хотел было Л. историческую справедливость восстановить – переименовать, да что ты! В вашем-то городе? Насрать, говорит, мне на все, и пошел пиво пить... Так-то.

Я ведь его лично знал, Л., по двору и по детству. И маму его знал – она двор-то наш не очень любила. Ненавидела она двор. Люто, можно сказать, патологически ненавидела. Она и название ему это страшное дала – «куток». Как бы унижительное. А всем оно сразу понравилось, ко двору, можно сказать, пришлось: куток он и есть куток – что-то такое домашнее, но слегка приבלатненное.

А если кому этот двор чем-то не нравится – так ведь всем, а более всего Л., насрать было. «Насрать» – второе слово, которое выговаривало новорожденное дите конца 50-х после «мамы», а у Л., я уверен, и первое. Это было естественное состояние души, некий онтологический аргумент.

Во дворе я прожил первые двадцать лет жизни. Они же и самые яркие.

А что, собственно, такое наш двор? Бывший наш двор?

Это открытое пространство, окруженное желтыми трехэтажными кирпичными домами. Родился двор вместе с Л. И мной – в 57-м. Тогда это называлось «народная стройка», и строились дома их будущими жильцами, по месту основной работы. Домов пять.

Первый – дом художников, ДХ. Художники там и жили и работали – в мастерских. Со всеми вытекающими из них (и мастерских, и художников) последствиями. Самый беспокойный народ – эти художники: то с балконов падают, то наоборот по деревьям лазят. Блядство опять же, не без этого.

Второй – дом сотрудников какого-то технического института. Как раз Л. в нем и жил.

Два других дома – «банщиков», работников банно-прачечного треста, или лиц еврейской наружности. До сих пор слышу крики усатых теток:

– Жидовка!

– Я жидовка? Таки ты сама жидовка! Я честная еврейка!

Вот уже тридцать с лишним лет то же самое я слышу в Хайфе, будто я весь дом банщиков перевез сюда вместе с мамой...

Последний, пятый – совнархозовский. Жило в нем «каждой твари по паре» – счастливички, чья очередь на жильё подошла. Или начальники.

Как жили? Кто как.

Кто голубей на оврагах жарит, кто курит за кочегаркой, те,

кто помладше страшилки слушает. Их Л. заставляли рассказывать: часами, днями, неделями, страшные истории с продолжением. А он и сам это дело любил, истории сочинять. О чем говорил – убей, не помню; о каком-то красном карлике с выпученными от ужаса, как у всех, глазами, как клыки вампира впиваются в нежную плоть невинных девушек... Страшно короче. Чепуха всё это.

Не верьте ему, умоляю вас, не верьте ни одному слову. И этим запискам его не верьте, а еще лучше – не читайте, займитесь чем-нибудь полезным.

Лично я их не читал, и вам не советую. Я просто так предисловие написал – по одному названию «Куток. Хроники лядовской автостанции» Забавное. Уверен, что он и меня в хроники записал. А мне – насрать.

Сам-то он, Л., больше уже ничего написать не может. Слышал я, что он сейчас просто в средствах ограничен, поскольку принудительно изолирован. По некоторым данным он даже при южном ветре не может отличить дятла от цапли.

По поручению редакции: М.С., Хайфа, 2008-2009

P.S. Примечание редакции

Никто ему ничего не поручал, этому М.С. из Хайфы, наглая ложь. Это предисловие он по электронке сбросил, как и сам «Куток». Сама-то я так думаю – это мистификация. Может, нет никакого Л. И М.С. нет, и Хайфы тоже нет. С них, евреев, станется.

И как нам все это оценивать?

А никак. Дураков нету.

Но пару слов сказать по этому поводу – могу. Только некому. Никто из редакции эту рукопись не читал, кроме меня, машинистки. Значит, мне и придется, тем более, что у меня единственной из отдела высшее филологическое. Все остальные – технари и бездельники: им бы только водку жрать да меня щупать... Сволочи, конечно... У курьера только, Вени, одного руки такие мягкие... ласковые.

Скажу. Л. открыл лядовский феномен. Это когда одна социальная структура, нужная, скажем так, только для транспортировки граждан в пространстве (назовем ее «лядовская автостанция») и другая – спальный вагон (именуемый далее «двор»), предназначенный, напротив, для стабильного содержания граждан, сращиваются, или преобразуются в некую новую форму среды. Что-то вроде упомянутого ранее объединения кладбища с картофельным полем, что и послужило...

Я не знаю, является ли этот самый феномен единственным, но всё же надеюсь (на что надеюсь? Веню только за смертью посылать), что читатели выявят новые «точки» этого явления, ранее скрытые от общественности. Изучение перспектив подобных новообразований представляется весьма заманчивым; например, куток: родильный дом-морг, или Дворец бракосочетаний-изолятор временного содержания, и так далее. Но это уже дело специалистов узкого про-

филя.

Широкий же круг читателей может заинтересоваться сращиванием по типу «кутка» некоторых социальных групп населения. Л. дотошно и в присущей ему несколько неуклюжей манере (что легко объясняется его примитивным воспитанием) пытается показать происходящую конвергенцию таких слоев общества как местные («наши») и маргиналы («пассажиры»), милиционеры и мазурики (наперсточники и «погорельцы»), дворники и собаки...

В руках редакции оказались разрозненные тексты, возможно чем-то, по мнению автора, связанные между собой, а возможно не связанные никак. Мы взяли на себя ответственность печатать «хроники» почти не цензурируя, оставляя за собой право, так сказать, упорядочения отдельных фрагментов рукописи. Вместе с тем, редакция не может оспаривать и право читателя на игру в «кортасаровы классики», т.е. чтения текста с любого выбранного им места. Или не-чтения вообще, что и советует т.н. «издатель».

P.S. А стишок – это уже я сама поставила, что хотите, а я люблю. (И Венька не против).

Я стою на откосе, мечтаю,
Вижу счастье свое наяву.
Горьковчанкой меня называют
Потому что я в Горьком живу.

В Горьком, в Горьком,
В городе славы большой,
В Горьком, в Горьком,
Жить и любить хорошо!

С.(Саша?) Соколов,

так водочку у нас теперь зовут – «горьковчанка». Хорошая. А её плохой-то и нет – только хорошая. И – очень хорошая.

Глава I. Пассажиры

Все мы пассажиры. Кто-то еще сел, а другому – на выход. Так и скажут: кто тут на букву Л? С вещами... Это если ещё сильно повезёт. Страна наша, я тебе скажу, как и камера – очень некомфортная, сучья эта страна – Горький. Я знаю, что говорю – нагладелся.

Ты на лядовской автостанции был?

А я живу. А кондуктор стоянки как новый год объявляет. И на конечной ссаживают.

Совесьть – ваш лучший контролер. Билетики сохраняйте до конца поездки. Не забывайте компостировать талоны. Не занимайте место кондуктора. Детей и инвалидов. Не отвлекайте водителя вашими глупостями.

Нажал кнопку – выходи. Везде нет – зачем?

Чего, казалось бы, проще? Спросил: как пройти на лядовскую автостанцию? Все.

Найди окошечко, займи очередь, сосчитай мелочь. Ну, выгребь... Из карманов – выгребь на билет мелочь. На билетик до пункта Б. Не забудь проверить его, не отходя от кассы. Заклинаю: не забудь, проверь эту глупую бумажку, не поленись. И время на вокзальных часах, и сдачу.

А теперь тащи всё своё, куда скажут. Опять в очередь. Сел? Ну – вперёд! Как говорят космонавты, те самые, что Жучка с Жучкою – «поехали!». Им ещё «Белое солнце» по-

кажут, чтоб не спали до вернута.

А тебе – до прибытия. Вот он – твой поганый пункт Б, вылазь. Билет можешь оставить себе на память. Или просто выбросить его прямо на землю. К чертовой матери.

В грязь.

Мне все равно.

Мне вообще нет до тебя дела. Никакого. Теперь.

Все. Я отвернулся.

Впрочем... Не думаешь ли ты, что автостанция – для тебя? Что единственное назначение ее – оказать именно тебе, дураку, комфортное существование? То есть отправить тебя восвояси в твой богом забытый блядский угол, или, наоборот, встретить тебя с приветом, именно тебя – уже смешно! – если в пустую башку твою шалую взбредет вернуться? А может, ты решил, что тебя здесь ждут? И это обязанность ее – заботиться?

Уйди, Христа ради, забудь! Ты не нужен ей, ты здесь лишний. Не приходи сюда больше никогда, окажи услугу. Сиди и пей, тебе повезло: автостанция только пожевала тебя и выплюнула, бывает и хуже.

Видишь? Тетку непонятную с платком вокруг шеи и в фу-файке? Да-да, она еще сумки свои пересчитывает? Она пока не потеряла иллюзий – все еще цело. Но будет как всегда – за ней смотрят.

А вон у той старушки на третьей платформе – практически все: то ли она опоздала, то ли расписание говно, а что

ее – ждать должны? Стой-таки себе и плачь. Рядом сумки с гостинцами из города. Для внучки. Что делать? Вы не подскажите – где? куда? билетик пропал, поменять?

Конечно, конечно, знаем, бабушка, нам ли не знать? Иди быстрее, родная, ...тебе туда. А что узлы? Покараулим... Только недолго... А долго и не надо – плачет уже внучка в деревне без гостинца...

И – пожалуйста, не буди того мужика на лавочке. Ему – хорошо. Нет, он не умер пока, он просто спит. Третий день он почти что дома: дело-то житейское – купил давеча билет до какой-нибудь Ворсмы, потом три семерки (городское-то – оно слаще), скорешился... Словом, ни вещей, ни билета, ни денег. Одна рожа разбитая. И лавочка. И надежда – вот очнется: милиция. Те подскажут.

Только слабая это надежда – не возьмут бедолагу под крышу, ни штрафа с него, ни папирос. Разве фуражка послевоенная, да штаны полуобоссанные? Прогонят с лавки – на другую ляжет... Ждать надо, пока снова повезет – земляка встретит, или подадут что. Погуляет так неделю-другую, глядишь – и уехал в свою Ворсму. Сидит себе, впечатлениями впечатляется...

А то и приживется в кутке, и такое бывает. Я сам знал такого – Семеныча. Дружили даже. Культурный, кстати, мужик был: мемуары хотел писать. Познакомился я с ним не то чтобы случайно (случайностей в кутке нет), а по случаю: тряпье помойное на помойку выносил. Ну и придел его...

Он, в общем, жил там... А чего ты, собственно, сморщился?

Зря. Помойка – только место, но с крышей: вещь в высшей степени надежная. Я знаю, что говорю – я сам в ней не один год провел. Залезешь, бывало, в мусорный бак, крышкой закроешься – чем тебе не танк? А по тебе камнями лупят – что твоими, как говорил Софа, снарядами... Гро-о-охот! Ладонками уши зажал, и визжи от ужаса. Война, брат.

А он – там – жил. Если забыл – я про того мужика, про Семеныча. Закроет на ночь люк, и никто не беспокоит. Если, конечно, подружку не приведет. А так – сам ведь знаешь: шепутные они, им бы лишь почесаться. Так что... Я-то уж давно... И тебе не советую.

...От ветра, короче, с шести сторон закрыт. И тепло. (Это отходы разлагаются естественным путем изнутри). Иногда что-нибудь вкусненькое подают – ну прям кафе.

Жизнь, словом, стала веселее. И беззаботнее – на всем готовом. А человеку, к слову сказать, и надо-то немного. Человек – он только звучит гордо, он только воняет как любая зверь.

Тогда Семеныч уже месяц как в помойке жил: пьяно и весело. И решительно в колхоз не хотел, он там механизатором вроде был. Поначалу его пугались, однако привыкли: живи, коли живешь. Сухари стали выносить, косточки. Пустые бутылки отдельно, чтоб не разбить. А что? Две – это уже кружка пива. Для Семеныча. Двадцать четыре копейки.

То есть не голодал Семеныч. Оттого-то и весел и почти-

телен. Впрочем, и неглуп. Это он только сперва бомжевал: летом на лавках, зимой – в мусорке. Пригодился. Стали поручать и серьезные дела: в магазин за колбасой сбегать, порезать ее на бутерброды... Иногда деньги дадут, но чаще натурой. В кафе даже кондейку на зиму дали – сторожить начал. Газеты читать.

На третий год – в гору пошел, на повышение. Получил штат – коменданта лядовской автостанции, что-то между завхозом и поваром. Воровал, конечно – продукты из бывшего дома на магазинные менял. Однако сходило, вот ведь.

Паспорт себе выправил. Но комнату в общежитии не взял, – к бабе перебрался, билетерше с автостанции. А что, человек уважаемая, с пропиской. Женился.

Но не возгордился Семеныч, не вознесся над нами. По-прежнему прост был и доступен, косточками – не брезговал. Они ему – не претили.

...Я его видел третьего дня. Он сейчас в Управлении областной служит.

Главным инженером, что ли...

Ну вот, наговорил глупостей, успел. Впрочем, это не новость – за последние лет 30 я только одни глупости и говорю. Например: я стал указывать людям путь.

И чаще всего – на лядовскую автостанцию.

А может, поголовье груза стало больше? Тогда – почему? Допустим, ответ первый, как вариант. Все больше и больше сельских жителей все чаще и чаще уходят в город. Смыч-

ка.

Колхозы разбогатели. Освоение пахотных земель. Внедрены и успешно применяются разработанные в недрах НИИ нанотехнологии...

...Что же, бя, еще придумать такое?

А – тучные стада лениво гуляют по сочным пастбищам в ожидании экскурсии на мясокомбинаты, и сыпятся, сыпятся несметные урожаи в пресловутые закрома нашей необъятной Родины? Наши люди (нет, народонаселение!) ощутив обрушившиеся на них плоды бессмертной Продовольственной Программы КПСС..? Деторождаемость в десятки раз выросла? Благосостояние трудящихся?

Так. Это – либо к генсеку для отчета на съезд, либо – в дурдом, впрочем – одно.

Ответ второй: все наоборот. Зеркально. Голод – не тетка, надо картошку за городом сажать. Вот и едут.

Сначала их было немного, и отношение к ним было соответственно несерьезное. Дачники они и есть дачники, придурки, вырождающееся сословие, нечисть, одним словом... Но исподволь, тихим сапом эта публика заняла однажды скромную неглубокую нишу, а вслед затем и доминанту. «Железный конь пришел на смену крестьянской лошадке».

Особенно это заметно весной, осенью и в выходные. На общем фоне растерянных и запуганных маргиналов – естественных (природных) обитателей автостанции дачники выделяются каким-то нездоровым оптимизмом и глупо-счаст-

ливным рожам.

Чего пишу? Глумлюсь, наверное.

А в руках у них грабли, лопаты и сумки. Завидев знакомых по старым очередям, они громко кричат и машут руками, точно гуси, и тут же начинают осеменять друг друга – обмениваться семечками.

Сейчас они веселы и праздник у них на душе, как будто не знают, какими они вернутся обратно. Вялых и изможденных, путающихся в черенках лопат их изрыгнет из своего чрева последний воскресный автобус, выдавит из пуза переваренное, чтобы опять сожрать это вновь через неделю...

– Сдается мне, батенька, что вы...как-то...краски сгущаете, что ли... Ну, вырвался человек на природу из душного каменного мешка, воздухом подышал... Отдохнул. Поработал, конечно. Здоровый образ жизни.

– Да не совсем здоровый, профессор. Знаете, сколько ихдохнет прямо на грядках и после? По воскресеньям на автостанции две «скорые» дежурят, прямо с автобусов – в реанимацию.

– Так ведь, знаете, батенька, они ведь некоторым образом...может...сами и виноваты? Зачем же через силу? Поработал чуток – и посиди в теньке, водички попей.

– Нет тенька-с, профессор. И воды тоже нет. Голое поле одно. Ты и лопата.

– Да-да. Лопата... Зачем же инструмент туда и обратно возить? Нерационально как-то. И тяжело-с.

– Тяжело... Так ведь спиздят-с.

– Как?

– Непременно, профессор, сто пудов.

Хранить инструмент в домике (если он есть) или в наспех сколоченном сортире (самое первое сооружение на участке, а зачастую – и последнее) – считай, что подарил. Инструмент воруют уже бригадами – на «газелях» по будням. Говорят, по несколько ходок за день. В ближайшем магазине и сдают за полцены. Через неделю их все равно бывшие хозяева купят. А куда деваться, если уже два часа на дорогу потратил, не ладонями же землю рыть?

Лучше всего закопать в укромном месте, это надежнее. И то в случае, если соседи отвернулись. Но не отворачиваются же, сволочи, косят глазом! Нет! Только с собой, в город, себе дороже! А то еще твоей же лопатой твою же картошку и выкопают...

Так и привезут его с лопатой в реанимацию...

– А знаете, профессор, плевать они хотят и на лопаты, и на реанимацию. Через неделю они все равно вернуться. Не из города они бегут, мешка душного и каменного, а от страны этой подлой – вот уж мешок так мешок. Помните, раньше и вешали через мешок... Хоть относительная, но воля...хоть глоток.

– Ценой реанимации?

– Насрать. Обидно только. И унижительно. А всего подлее, что кто-то и зарабатывает на ихнем глотке. Выдали, значит,

придуркам по шесть соток в камышах, чтоб свободного времени поменьше было и лишнего не трындели, заодно пусть и жрут с них. Главное – затрат государственных ни на грамм. Голая прибыль: за ту же лопату, стройматериалы...налоги, опять же... Глядишь, а придурки уже и на водопровод с электричеством и газом скинулись – готовая инфраструктура! Можно теперь и какой-нибудь «свечной заводик» рядом сообразить...

– Батенька, тогда почему же их бесплатно не возят, как в зонах на работы? Как нас тогда?

– На халяву? Так ведь все это и задумано ради грузооборота. Очень уж хочется им билетиков в ад продать побольше. И желательно – подороже...

* * *

Не то, чтобы я не люблю лесовиков. Вовсе нет. По мне, есть – так и черт с ними! Я только если их много и в моем лесу не люблю. Раздражают они меня тогда – лесов им мало что ли? С другой стороны, и их понять можно – лес-то пока есть, а вот гриба нету. Отступает гриб от города...

Еще лет сорок назад – сел в трамвай, заплати три копейки, и через четверть часа ты уже в Швейцарии или на Щелковском хуторе. А там – не только грибы, лоси бродили, белки там, ежики – не счесть... А птиц сколько! Рысь была, помню щиты с предупреждением, что съесть может. Говорили, что

на Щелковский и волки заходили. Как при Дятле-чародее, что отшельником у меня в кутке жил.

Теперь, конечно, все заасфальтировали. Им ведь волю дай – родного отца заасфальтируют. Да еще оббордюрят в рамках акции «чистый город».

Лосей асфальтировщики прогнали, рысь убили, волков – тех еще до рыси извели. Птицы сами улетели из города. И правильно! Некому (некому! Некому...) их тут слушать. И грибов не стало, одни поганки выжили. И лесовики. Потом и лесовиков тоже из города выжили... в лес.

Принято считать, что из города есть два грибных пути, северный и южный. Разделение, конечно, условно, но по сути верно. На Север (Бор и Семенов) лесовик добирается электричкой через Московский. На Юг (Арзамас, Павлово) – автобусом с лядовской автостанции. (Ложные лесовики – на личных машинах, о них я ничего говорить не хочу!) В хороший сезон все рейсовые автобусы и электрички под завязку забиты корзинами и рюкзаками. Дружно позвякивают на переездах и ухабах традиционные наборы.

Лесовик – это особая категория пассажира. В отличие от дачника и маргинала он счастлив всегда. Если хотите, как дурак. Но дурак, вызывающий только зависть. Особый дурак. Он уезжает отдохнуть, и приезжает, отдохнув: ему ничего не нужно, кроме леса. Там нет семьи, душной и ненавистной службы, а если нет грибов – и их не надо. Поздравьте его: сегодня он станет самим собой – лесом.

О, как томительно ночное ожидание отъезда! Так: все ли готово? Сапоги, свитер, ветровка. Самое важное – набор ле-совика: соль в спичечном коробке (можно и в солонке, но не то), спички в целлофановом пакетике, чтоб не намокли (можно и зажигалку, но не то), пара бутербродов с колбасой, пара картофелин в мундире (только!) свежий огурец (обязательно), помидор (если нет, сойдет и так). Нож. Папиросы – 2 пачки (одну в карман, другую в целлофан, это НЗ). Корзина, рюкзачок. Деньги на проезд? Деньги взял. Все? Ну давай, давай, подсказывай, вижу, что не терпится. Думаешь, я забыл? Нет, брат, шалишь, такого не бывает. Это я уже заранее приготовил, раньше, чем ты подумал.

Полбутылки водки еще с утра перелита во фляжку из нержавеющей стали, и колпачок уже два раза проверил – хорошо завернут, плотно (не как в позапрошлый раз у Сашки – половину расплескал, сволочь). И стаканчик стограммовый граненый положил, но это так, для порядка, в лесу стакан – не первая необходимость.

Ну, и чего ты заерзал? Думаешь ты один такой самый умный, да? Иди, сам смотри, в корзине она лежит – четверка непочатая, на самом виду (чтоб опять не подумала, что по бабам...) А фляжка в ветровке.

Все. Вот теперь все.

Хорошо бы выспаться до первого рейса... Время еще есть. Хотя какой тут к черту сон?

...Ну что тебе опять надо? Поллитровка початая покоя не

дает, из которой во фляжку наливал? Эко вспомнил. Там на пятьдесят грамм только и осталось – на посошок, перед выходом из дома...

Представляешь: вот я вроде пока дома, а уже – там. По полю иду к лесу. А туман – по пояс, Сапогов не видно! В лесу тумана не будет, да и посветлее станет, пока дойду...

Эх, даже первый рейс кажется слишком поздним. Пока доедешь... До места еще добраться надо... Может, прямо сейчас и махнуть, в ночь, на последнем автобусе. Добраться до ближайшей деревни, переночевать в чем-нибудь предбаннике до первой зорьки, а то в лесу у костра... Можно и в стогу...

И вот летит уже фанатик свободы к корзине и сапогам. На ночной надо успеть...

Успел, слава богу. И не он один – целый автобус набился. Кто-то вон в проходе даже сидит. И все уже на «ты». И не потому что первый стаканчик (пригодился!) распит еще на вокзале. Просто лес – он всех равняет, а начинается лес – правильно – с лядовской автостанции.

Не обходится и без курьезов.

Случилось это в августе, в начале 90-х. Сашка П. и я служим в проектном институте. Нам под сорок, и мы – руководители, так сказать, среднего звена. Это когда чертить уже разучился, а в большое начальство – не лезешь. То есть до своей жопы уже допрыгнули.

Значит, август, пятница. А по пятницам мы ходим в ба-

ню общественную париться. Кто еще помнит, их тогда было немного: на Марата была неплохая, на станкозаводе...

Но ходили мы обычно либо на Новую, либо на Ковалиху. На этот раз договорились и о месте, и о времени, и о закуске. Одно забыли – кто что берет. Это сейчас у каждого по два сотовых в кармане... Короче, не созвонились.

Сашка решил не рисковать – и взял. Ответственность на себя. Я тоже решил не рисковать – и взял две. Не докупать же у банщика втридорога.

Помылись, попарились, завернулись в простыни и закусываем не спеша. Духовно общаемся. А надо сказать, что Сашка – он любую тему мог развить горячо и убедительно. Если уж он завелся, его и не остановишь. О политике там, о революции или о войне – но как-то всегда он сводил все к одному, и переход этот был неожиданный, но предсказуемый каждым, кто Сашку знал. Заканчивал он всегда так: «...и тут я ей влындил!» Дальше уже могли говорить все остальные. Потому что глаза его заплывали салом, и он замолкал.

Со временем я придумал, как оборвать его, – где-нибудь на полуслове вкрадчиво перебить: «Саш, ну ты ей влындил или как?» И пока он растерянно моргал, могли говорить остальные.

В ту банную пятницу все шло как всегда. И кто из нас первый заговорил о грибах, я не помню, помню только, что одна бутылка из трех еще оставалась.

– Саш, а может завтра и съездим?

Он с сомнением посмотрел на последнюю бутылку.

– Нет, я, наверное, не проснусь так рано...смотри еще сколько.

– Так мы ее с собой возьмем.

– Дурак, что ли?! – он быстро скручивает головку и плещет по глотку в стаканы, – сам же говорил: «нельзя оставлять вино в доме на ночь»

– Это не я, это Пилон у Стейнбека.

– Чего?

– Ну... «Квартал Тортилья-Флэт». Там, значит...

– Все! – он решительно встает, – в дороге доскажешь.

Едем прямо сейчас!

– Куда?

– За грибами, ебёныть! В Ворсму! Прямо сейчас.

– А корзины?

– Корзины у тебя возьмем.

– И сапог у тебя нет, – я еще пытаюсь сопротивляться.

– Сухо, можно и в ботинках. От тебя и Лариске позвоню.

Одевайся.

Ну, думаю, если о Лариске вспомнил, может еще и обойдется. Не пустит.

Но мой номер не играет. Часа через два мы, взяв билеты до Ворсмы («Сейчас грибы только в Ворсме, я все знаю»), мы катим на последнем рейсе «Горький-Кулебаки». С лядовской автостанции. На нем – туфли, галстук, моя ветровка и моя корзина.

– Долго ехать? – спрашиваю я

– Не проспим. Давай по последней и отдыхай. Я разбужу.

Ссадили нас в Павлове, через три, что ли, остановки от Ворсмы. Время – двенадцатый час ночи. Мы одни на автостанции. Она уже закрыта – рейсов больше нет.

– Так, – говорит Сашка, – я тут все знаю. Постереги корзину.

Он исчезает в темноте. Я опускаюсь на лавочку и закуриваю. Через пять минут он выныривает в светлый круг фонаря. Карман моей ветровки у него оттопыривается.

– Купил? – спрашиваю я.

– Хватит до Тумботино. Тут километров десять.

– Какое еще Тумботино? Мы же в Ворсму ехали.

– Без разницы. И до Ворсмы десять. Но лучше в Тумботино – там леса дикие.

Выпив и покурив, мы поворачиваем к Тумботину.

– Все, – говорю я через час, – Больше не могу. Отдыхаем. Осталось еще? – слышно бульканье.

– Поспи, – говорит он, закусив, – я тебя разбужу.

Я тут же проваливаюсь в сон. Львы мне не снятся...

– Ты едешь или нет? – он трясет меня за плечо.

– Куда? Сколько времени?

– Полчетвертого уже, Вставай, вставай!

Через минуту забираемся в кабину какого-то грузовика. Едем по синусоиде под песню «Миллион, миллион алых роз». Точнее, шофер поет, а Сашка подпевает.

Трясет, и безумно хочется спать. От курева болит голова. Сашка что-то монотонно бубнит шоферу... Толчок. Я просыпаюсь.

– И тут я ей влындил, – заканчивает Сашка.

– Лес? – спрашиваю я.

Водитель кивает:

– Лес. Ворсма. Сашок, давай стакан.

Мне уже все равно. Я что-то устал. До меня доносится резкий запах самогона, стало быть, угощает водила. На закуску луковица, порезанная на четвертинки. И соль. Все не так плохо. Значит, вот она, Ворсма.

– А лес-то где? – спрашиваю я.

– Там, – водила машет рукой, – километра три и направо.

– Так добрось.

– Не-а Мне – назад, в Тумботино.

Мы долго прощаемся. Сашку даже целуют в рот. Машина срывается с места и уезжает на удивление прямо.

Минут через сорок мы доходим. Уже рассвет – мы первые! Ни одного лесовика... Идем каким-то буреломом вглубь.

– Саш! – кричу я, – у тебя есть что-нибудь?

– Нет пока. Вот сейчас болота перейдем – там лес грибной, я знаю...

– Да я не про то, – я зло хлещу палкой по бурелому.

К девяти утра нам повезло: на звук машин мы, наконец, выходим на трассу, и что самое ценное, прямо к рейсовому до Горького. С грибами тоже повезло – полкорзины на двоих

набрали.

– А я тебе что говорил, – уже в автобусе Сашка шепчет мне в ухо, – пошли, пошли грибы! Сейчас приедем, ты прямо домой – все равно за деньгами надо, а я тебя на вокзале подожду... На то же место поедем...

Только, похоже, на то же место не получилось. Вернулись мы в воскресенье...и поодиночке. Впечатлений много, грибов меньше, скамейку какую-то помню ободранную, цистерну с разливным пивом помню, милиционера в привокзальной уборной, но не нашей – чужой... И крупные буквы над автостанцией – «АРЗАМАС»... Почему Арзамас?

Конфуз, конечно.

Однако, случай-то не единичный. Не мы одни таким образом возвращаемся. Не все, но многие. Вы зайдите в куток в воскресенье поближе к ужину. Понятно, то в грибной сезон. Да здесь же – базар: распродажа трофеев! Цена стабильная: бельевая корзина – литр водки. Все как у взрослых, и носильшики тут, и перекупщики, и гонцы до магазина... Почти бесплатно, а лесовик чуть не плачет: на что ему грибы, у него последний вздох – он пьет. Залпом пьет, чтоб не было мучительно больно... Тут же санитары кутка снуют, посуду прибирают, опять же стаканчики подносят с закуской. Все вежливо и культурно: продал – выпил – уступи место. Но почему-то не расходятся, топчутся...

Но что это? словно электрический разряд пробежал по ряду: сверяйте часы, сейчас магазин закроется. Деньги –

упраздняются, соответственно и цены снижаются вдвое: корзина – бутылка.

К полуночи двор затихает, уходит домой лесовик, в семью вернулся. От себя. И только с рассветом растворяется последняя заблудившаяся в кутке тень: вы не знаете, где тут выход?

Глава 2. «Наши»

1. Никого уже нет

Что-то не хочу я о наших писать. Понимаю, что придется, а не хочу.

Не хочу и все. Смерть как боюсь.

Помнишь – был такой, он только о доме своем писал? Мазохистскую автобиографию в своем роде. А что ему еще оставалось, если он кроме своего долбаного Эшвилла, штат Северная Каролина, и не видел ничего по жизни?

Ну – фамилии поменял там, наврал с три короба, перепутал все – и что? Все одно – каждый себя узнал. А что еще хуже – соседа. Хуже.

Кому такое нужно?

Я о чем: прошлое и настоящее. Лично я – сегодняшним днем живу, мне о вчерашнем вспоминать – срам один, стыдно, а уж до завтра точно не дожить, облом. А тут является какой-то черт – и ну тебе про твое-то сокровенное, личное.

Только вот не говори мне, что оно у тебя, прошлое, чисто и непорочно, целку-то не строй. Взгляни на дом свой, ангел. Завяз ты в грехах, аки скала в паутине – по самое не хочу. И что остается? Сопли жевать и портвейном запивать? Номером 72?

Не оправдываться же?

Тогда точно заплюют. Как последнего мудилу – ведь все знают, что ты он и есть, да и сам ты это давно уже знаешь... Он хоть и задрипанный этот Эшвилл, мать его, городок вроде нашего, а все видно: кого обманывать-то? Та еще дрянь...

Встречаются, скажем, двое.

– Ну... Здравствуй, сволочь, – говорит первый, – знал я, конечно, что ты жопа... Это ж ты, – говорит, – тогда, в 71-м, у Машки в койке наблевал, ты! ...а не я один. А стрелки – на меня!

И – хрясь по роже.

Ну и кто после этого писатель наш? Выжига он и стукач. Какой уж тут ему возврат домой? Мыкается теперь по редакциям, иуда...

А вот Булгакова поставить к примеру. Просто к примеру, не к стенке. Ну да, того самого. Он ведь что – на актеришек, жалких и бессмысленных, компромат собирать начал, синеглазка... Анекдоты и сплетни... Доносы, стало быть, по большому счету: а что с них взять – шлюхи. Их ведь как клятв-вопругупников и хоронят, за оградой. Где им, впрочем, и место. Однако, обиделись.

...Били, говорят, Мишу нашего всем миром, труппой то есть. Даже Паханом пугнули – тут-то и затих Миша.

Это я к тому, что неблагоприятное дело – о своих писать. Скверно как-то. И опасно. Да и вообще непристойно...

Вот и не хочу я ничего писать. Но буду.

Буду, потому что нельзя иначе, пойми. Я же о «кутке» пишу, в конце концов, а что такое «куток» без аборигенов? Без цирка этого полувекового? Одно обрезание, не к ночи будь сказано.

А если так – мели, Емеля: авось прорвемся.

...Однако надобно объясниться. Насчет названия этой подленькой главы: «Наши».

Звучит претенциозно, согласен; но поверь, я ведь как та избушка – «к вам передом, к лесу задом»... Нет у меня задних мыслей и не будет.

Без всяких там, как бы... Намеков, то есть. Во-первых: на «Былое и думы». Там у старика что-то о западниках («наши») и славянофилах («не наши»), в которые почему-то Петр Яковлевич угодил. Так я здесь не при чем, не моего это ума дело. Там еще Хомяковы какие-то, Аксаковы... Да Бог с ними...

Во-вторых: Лескова, всеми забытого, но «Левшой» воскрешенного – уважаю, хотя и не читал. Но что. Вот – «Некуда» (некуда... некуда... придумал же!) – глава «Свои люди» – наши, значит, – она, по-моему, о белополяках, так я к полякам не очень-то: с обиженных что взять?

В третьих, Федор Михайлович. Тут – хочешь ищи, не хочешь – тебе же спокойнее. Сна не прибавит, точно. Часть вторая, глава седьмая: «У наших». Архискверные «Бесы». Там вообще шигаревщина одна, там Нечаев бродит, Кириллов на дверях висит; нет, ребята, все не так – я это уже про-

ходил как-то. Мимо мавзолея, гадом буду...

В последних. К движению «Наши» я – не. Я ихнему лидеру, Сереже М., так всегда и говорю: не то название, нехорошо. За что и считаюсь у них жидомасоном. Даже в сочувствующие не взяли. То бы дело – «отченаши», или «наци», в конце концов? Глупо, конечно, зато красиво. Патриотично.

Впрочем, я так, о названии только, и все. Мели, Емеля...

Тут ведь что главное – с чего начать? Вопрос-то не праздный: надо так начать, чтобы сразу не кончить. Врать нельзя.

Один начал было:

Село, значит, наше Радово,

Дворов почитай два ста,

Тому, кто его оглядывал —

Приятственны наши места,

и оконфузил себя на веки вечные.

Поздравляю его соврамши.

Ведь если ему, подлецу, уж так это Радово убогое «приятственно», то какого же он, черт его дери, удрал из него, да еще «задрав штаны»? Надо думать, брат, обрыдло оно тебе, твое гребаное Радово, вот и сбрызнул. Рванул ты, Серега, в столицы из малой, не к ночи будь сказано, родины, самогон на «клик» поменял.

Да я не в укор тебе, не думай. Я бы и сам... Только нет у меня ни столиц, ни Константиновки твоей с Радово, и «клик» не светит.

Двор – моя малая родина, будь он проклят. Пять желтых

каменных трехэтажек. Нет – их сначала было пять, потом больше, но речь не о них. Я о «кутке» говорю, о проходном дворе на автостанцию. Раньше там и деревянные дома были, с дятловых времен. Сейчас их нет, конечно: что снесли, а что само сгорело... Но когда Дикобраз цветник растоптал – запах еще долго стоял.

Так и здесь.

Помню двухэтажный барак, топили его то ли дровами, то ли углем. Он-то первый потом и запылал как Воронья слободка. Подоженный сразу с шести концов. Кто там жил? Думаю, что теперь уж никто не знает, если я забыл.

Бандиты какие-нибудь, кто ж еще...

А может, простые советские люди, что, впрочем, не противоречит первому... Работали где-то на Маленковском, детей рожали. Из детей помню двух: брата и сестру. Брата, помладше, звали Хряк, сестру – естественно, Хрячка. Мы ее за кочегарку Дома Художников щупать водили. Минута – копейка, на школьных булочках сэкономили.

Меркантильная была девочка. Вот оно – голодное детство... Тоже, наверное, умерла.

Был еще дом дедушки Яна: простой деревянный сруб и участок за высоким забором. На участке курятник и кроличья ферма, кроликов было от двадцати до пятидесяти, и с десяток кур. Кур пас петух, они выходили за ворота и гуляли вместе с нами. Тогда их еще много было, как и нас. И никто друг друга не обижал.

Дедушку Яна уважали, он дарил всем кроличье дерьмо. Развозил его по сараям на тачке. В начале 60-х все какие-то огороды получали бесплатно, а вот навоза, что удивительно, еще не было.

Был дедушка Ян из пленных австрийцев. То есть с первой мировой пленный.

С кем воевал, он и сам, поди, забыл, сколько лет-то прошло... Надо думать, с Россией, из-за кронпринца ихнего Фердинанда. Были еще какие-то чехи, что в Сибири за красных воевали, в карательных отрядах... Другие зато, под Самарой – за эсеров... Короче, без разницы: австрийцы, чехи, мадьяры – народишко-то говно, а люди встречаются неплохие. Дедушка Ян, например, так и прижился в России.

А какая, в сущности, разница, где твоя малая родина: что та империя, что эта... Кроме кур и кроликов он семьёй обзавелся: дети, внуки, правнуки... Все деловитые и незлые; их как и дедушку уважали, никто не выёбывался.

Третий деревянный частный дом был «дяди Саши». Сейчас там гаражи, а раньше сад фруктовый был и огород при доме. Забор, конечно, а на заборе колючка. А может, и не было никакой колючки, придумал я её?

Но быть точно могла – мужик он был мутный и какой-то озлобленный – ни его никто не любил, ни он. А за что ему, спрашивается, нас любить, если мы яблоки у него с клубникой рвем и грядки топчем?

А еще и «полицаем» дразнили. Старшие поговаривали,

что он в войну немцам служил, за что и отсидел. Не исключено, что так и было. А может, мы сами все это придумали: дети всегда злее. Что до меня, так я до сих пор думаю, что он шпионом был.

И дядя Саша умер. Кто его хоронил? А вслед за ним и дом его. Пара яблонек выродившихся – вот и все, что осталось. И огромный дуб у забора тоже умер. Мы там жолуди собирали...

Кому сейчас все это надо?

Если считать по числу квартир в домах, то тогда, в середине шестидесятых, семей, должно быть, не меньше ста проживало. Одних мальчишек от пяти до пятнадцати лет – штук тридцать. Девочки тоже, конечно, были, но как-то сами по себе. До поры, до времени. Но об этом чуть позже.

Того, что мы вкладывали в понятие «двор», сейчас уже нет, как и самих дворов. Похоже, больше и не будет. Это данность – и кончим на этом. Это есть – и слава Богу. А то, что было – умерло, или пока не умерло, или пока живет. В фазе обскурации и реликта, по Гумилеву, если угодно. На нашей с тобой памяти и поважнее, чем «двор», понятия ушли, и не жаль совсем. Только если чуть-чуть...

Потому и пишу чуть-чуть. О харизме лядовского «кутка».

Любой старый двор это замкнутая система: время, место и градация ценностей. Как в пионерлагере, если помнишь. Или в зоне.

А как связующая сила – кодекс законов, правил. На этом

все и держится. Правил немного, но их надо помнить.

Самое первое: младшие слушаются старших. Авторитет родителя за дверью квартиры – нуль. Бога нет. Школьные учителя – придурки, каких поискать. Слово старшего по возрасту – закон, апелляции возможны только после выполнения приказа. Но наказуются. И т.д. Есть тут и свои плюсы: старшим по инстанции можно пожаловаться, если тебя, скажем, кто-то обидел из соседнего двора – вступятся и защитят. Папу же не позовешь, так?

Правило второе: «автора просим». Это когда в мячик гоняешь: запиннул за забор – лезь сам. По философии двора – значительно глубже: за собственные поступки отвечаешь ты лично, и будь уверен, преступление будет наказуемо. Отсюда вывод: не подличай, не кради у ближних, не заискивай у старших, не ябедничай... То есть будь по возможности честен.

Будь полезен или востребован – правил третье.

А поскольку на улице мы проводили большую часть жизни, то очевидно, что на родителей нам было... ну, сам понимаешь.

Да и родителям до нас никакого дела не было – ну, позовут из форточки, откликнешься дежурным «иду» – и забыл. И не боялся за нас никто: войны-то уж лет двадцать как нет, и машин нет. Цыганами только стращали, и то уж совсем придурков малолетних, для острастки.

А что цыгане – их во дворе и не видели, они на автостан-

ции кучковались, а автостанция – почти что двор, там фильмы «казали»: «Тридцать три», «Щорс», «Котовский». Почти каждую неделю экран на наружную стену вешали и с передвижки крутили. Ходили все, и родители тоже. Никаких тебе билетов – улица же. Кто-то из окна смотрел, счастливчик.

Так автостанция стала продолжением двора. Дальше только овраги, ничейная полоса. Там хозяев не было: не мы одни туда ходили, и шпана с Рыковского, и хулиганы с Западного городка. Тут ухо остро держи – запросто получить можешь, если без старших пришел. Если нет – беги до двора; от своих, конечно, влетит, но это не страшно.

Старики (родители) о наших делах, как я уже сказал, не знали. Тогда, в середине 60-х, они и правда выглядели стариками. А было им под пятьдесят: в тылу ли, на передовой, а войну пережили... Кто есть чей мы, конечно же, знали. А нам это нужно было? Жаловаться им нам и в голову не приходило, да и не пошел бы никто на наши разборки, слушать бы даже не стал. И потом, главное, во дворе-то как дальше жить – позора не оберешься. Нет, я таких случаев не помню. Гонять – гоняли, ругались, не более того.

Исключением был Николай Иванович из дома Совнархоза. Николай Иванович двор любил. Благодаря исключительно его усилиям и организаторскому таланту во дворе появились скамейки, клумбы, песочницы, турник и качели. Зимой в центре двора заливался каток. Особой гордостью его была беседка для игры в домино, со светом. Она вмещала многих:

пока одни стучали костяшками, другие неторопливо распи-
вали и общались.

В том же доме Николай Иванович устроил в подвале клуб. Поставили длинный стол для президиума с красной скатертью, графин со стаканом, повесили шторы. Откуда-то появились десятка два стульев – все по-взрослому. Там, кроме ежемесячных собраний домового комитета, кто-то лекции читал о мировом сионизме и за выборы агитировал (кто эту практику ввел? Все равно ведь все ходили...) По праздникам устраивались детские утренники: кто-то отдал старое пианино и гармошку. Всё остальное время мальчишки играли в настоящий настольный теннис и ненастоящий (настольный же) футбол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.